

ИМАН
КАЛЬБИ

Сергее

АССАСИНА

Я ЕГО РАЗОБЬЮ

18+

Иман Кальби

Сердце Ассасина.

Я его разобью

<https://litres.ru/74676793>

SelfPub; 2026

Аннотация

-Лгунья, Зенубия Какая же ты лгунья -зашептали губы Ассасина горячо ей на ухо, - я ведь предлагал тебе быть свободной Предлагал свое сердце, предлагал стать моей королевой Но ты выбрала оковы Золотые оковы

Ближний Восток изменился после большой войны. Из пепла восстали старые государства, которые пытаются построить новый мир- гораздо более жестокий и суровый. Вот только страсти там бушуют извечные... Любовь, жажда власти, похоть и... ненависть.

Он готов был отдать за меня жизнь, но я разбила ему сердце, посчитав недостойным... И тогда он просто завоевал мое царство, сделав своей рабыней...

Из королевы я стала одной из его наложниц. В цепях, с его клеймом на бедре. Он терзает мое тело в постели, но до моего сердца он не доберется Никогда?

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	18
Г	26
ГЛАВА 5	40
ГЛАВА 6	51
ГЛАВА 7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Иман Кальби Сердце Ассасина. Я его разобью

-Лгунья, Зенубия... Какая же ты лгунья... -зашептали губы Ассасина горячо ей на ухо, - я ведь предлагал тебе быть свободной... Предлагал свое сердце, предлагал стать моей королевой... Но ты выбрала оковы... Золотые оковы...

Он готов был отдать за меня жизнь и готов был подарить целый мир, но я разбила ему сердце, посчитав недостойным... И тогда он просто уничтожил мой мир, сделав своей рабыней...

Из королевы я стала одной из его наложниц. В цепях, с его клеймом на теле. Он терзает мое тело в постели, но... до моего сердца он не доберется... Никогда?

ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО
ОТ НЕНАВИСТИ ДО ЛЮБВИ
НЕОЖИДАННЫЙ ФИНАЛ
ХЭ

ГЛАВА 1

- Лгунья, Зенубия... Какая же ты лгунья... - зашептали губы Ассасина горячо ей на ухо. - Я ведь предлагал тебе быть свободной... Но ты выбрала оковы... Золотые оковы...

На этих словах на ее запястьях защелкнулись два золотых браслета с кольцами для цепи... Зенубия не успела охнуть, Ассасин заткнул ее рот глубоким поцелуем...

Он не отрывался от нее целую вечность, то лаская языком, то усиливая нажим и резкость, буквально пожирая ее. Зенубии оставалось только упереться руками в его каменную грудь, чтобы сохранить хотя бы пару миллиметров дистанции между ними. Он был слишком близко, слишком рядом...

Наконец, его напор немного ослаб, но он и не думал отступать...

- Твои губы, твоя близость, то, что ты едешь в моем караване, опьяняют сильнее самого лучшего левантского вина, Зенубия, - хрипел сквозь улыбку и рваные поцелуи-покусывания.

Девушке все-таки удалось наконец вывернуться из его крепкого захвата. Удалось перевести дух.

- Что это за очередной цирк, Ассасин? Что ты нацепил на мои руки? - раздраженно выставила свои кисти, обвитые

красивыми золотыми браслетами.

Ассасин усмехнулся.

- Ты ведь сама говорила, Зенубия, что чувствуешь себя самой несвободной женщиной во всем Леванте... Так и было... Ты сидела в золотой клетке... Ты принадлежала Пальмире... А теперь ты принадлежишь мне... Эти браслеты - знак того, что ты моя...

- Что?! То есть ты заставишь меня ходить в этих оковах рабов?! - ее ярость не знала предела. Да, она была готова к новым унижениям от него... Но... Не ожидала, что они начнутся так скоро...

- Что тебя смущает? Золотые браслеты для золотой девочки...

- Оковы! Это оковы!

- Не сгущай краски, Зенубия, - скептически поднял бровь, еле сдерживая усмешку, из-за которой ей хотелось расцарапать ему лицо. - Они сделаны из дутого золота, почти не имеющего веса... Пара часов - и ты привыкнешь к ним... Они станут частью тебя... Ты в них безумно притягательна, девочка, - снова притянул ее с хрипом. - Образ бы дополнил золотой ошейник на шею и еще несколько деталей, которыми я люблю украшать своих наложниц... Все это уже ждет тебя в Аламуте... Специально изготовлено под тебя... Уже как несколько месяцев, девочка моя... Ждет момента, когда ты окажешься на своем месте... - властно сжал ее подбородок, поднял лицо на себя и опять впился в ее губы.

- Ты уже догадалась, для чего нужны эти кольца на браслетах? - Зенубия забилась в его руках, пытаясь вывернуться. - Вчера ты не дала мне завершить начатое... Я любезно подарил тебе вечер и ночь одиночества, в знак уважения к твоим эмоциям... Я умею быть гуманным, Зенубия... Но... Впредь все твои вечера и ночи принадлежат только мне... И только я буду распоряжаться ими так, как захочу... Пока мое тело и разум будут желать тебя, ты будешь рядом... Не захочу тебя - будешь сидеть в томительном ожидании, изнемогая от ревности к какой-нибудь другой.

Он наконец отпустил ее... На лице играла самодовольная усмешка... Зенубию буквально трясло от злости и беспомощной ярости.

- Я буду счастлива провести каждую лишнюю секунду как можно подальше от тебя, Ассасин... И буду молиться всем богам Леванта, чтобы они быстрее охладили твой пыл ко мне... Пусть великая богиня любви благословит ту, кто сможет так увлечь тебя, что ты больше и не согласишься на меня... Ненавижу, ненавижу... - выплюнула сквозь зубы.

Ассасин хмыкнул. Снова подошел к ней вплотную, заставил прижаться к задней стенке крытой повозки, обитой шелком и бархатом. От плотного соприкосновения их тел она чувствовала упирающееся в ее живот возбужденное естество Ассасина.

- Боги действительно наградили ту, кто так манит меня...
- бесцеремонно накрыл ее грудь и сжал, заставив немного

отклониться назад, уходя от его рук. - Щедро наградили, - теперь его ладони сместились на ее бедра и снова сжали. - Очень щедро... Ты одна из самых волнующих и привлекательных женщин, коих мне довелось видеть... А поверь мне, повидал я немало... Так вот, возвращаясь к браслетам... Нам ехать минимум неделю до Аламута... Переход через пустыню, ночевки в завоеванных мною оазисах по пути, из которых я планирую сделать форт-посты. И я планирую провести их в твоей любезной компании, красавица... У тебя больше не будет возможности уворачиваться от моих ласк, боясь предательства твоего тела... Ты будешь принимать всё, что я буду тебе давать... И сам буду забирать все, что захочу... Так что мы закрепим твои красивые ручки на цепи... А когда ты станешь покладистее и умнее, я разрешу тебе возлежать со мной без них... И ты будешь страстно обнимать меня... Даже разрешу тебе оставлять кровавые царапины на моей спине от удовольствия, когда буду глубоко-глубоко в тебе...

Зенубия снова поморщилась... Как же сильно она его ненавидела в этот момент... Как отчаянно желала его смерти, его позора, его падения... Если бы только у нее была возможность вернуть время вспять, она бы не дала этому проклятому гладиатору Альвиру ни одного шанса выжить на арене... Она бы приказала убить его прямо там, на песке, после того, как он, по сути, надругался над героизмом воина Джабаля... Она помиловала его... Помиловала, не су-

мев устоять перед наглым, темным взглядом его проклятых глаз... Чтобы теперь стоять пленницей в его караване с око-
вами на руках, выслушивая грязные сальности, которыми он
специально покрывал ее с ног до головы, упиваясь ее униже-
нием...

От злости и беспомощности скрутило все тело... Дыха-
ние сперло. Она только было открыла рот, чтобы вновь осы-
пать Ассасина проклятиями, как в глазах все почернело...
Голова закружилась, ноги подкосились... Она снова впала
в беспамятство. Ассасин выругался. Успел подхватить ее. И
только сейчас, немного остыв от лавы своего желания, по-
нял, что девушка действительно горячая... Не потому, что
воздух между ними был накален, словно в печи. Потому что
у нее был жар... Быстро перенес ее в свою просторную по-
возку-вагон, устланную мехами и подушками. Уложил на по-
стель.

ГЛАВА 2

- Ваше величество, я не понимаю природу лихорадки этой женщины... Она вся горит, бредит... Ее сознание помутнено, но нет никаких других признаков того, что у нее какая-либо из болезней, при которых человек впадает в такое состояние... Мои средства не помогают сбить жар... Простите, но я... Я бессилен... И... Боюсь, мы можем скоро ее потерять...

- Ты верно что-то перепутал, Абиценна, - железным голо- сом отрезал Ассасин. - Это тебя мы можем очень скоро потерять... Где-нибудь в пустыне... Лучше почеси свою седую голову, поищи там на запыленных полках мозга какой-нибудь препарат и приведи мне ее в норму...

Врач только беспомощно разводил руками, а состояние Зенубии ухудшалось... Ассасин старался не показывать своих эмоций, но внутри у него все клочкотало. Вид мечущейся в агонии хрупкой, беззащитной девушки на смятых простынях, ее пылающие от жара щеки, спутанные волосы, прилипшие к вискам, пробуждали в нем новые, незнакомые эмоции... Никогда он еще не чувствовал этого странного, незнакомого чувства - жалости... А еще страха... Страх, что может лишиться своей игрушки... Да-да, только игрушки... Ничего большего - уверял себя, но при этом не мог не сжимать кулаки всякий раз, когда она выгибалась дугой от лихо-

радочной агонии, приоткрывая свои пересохшие губы в бессвязных столах и фразах... Он давился от беспомощности, как не умеющий плавать щенок... Ругал себя за эту слабость, но отрицать ее не мог... Зенубия была ему дорога... И пусть он готовил ее не для жизни в сказке, мысль о том, что он может ее потерять здесь и сейчас, была нестерпимо болезненной...

- Впереди ночь... И это плохо, господин... Ночью лихорадка пожирает больного... А она встречает ее уже ослабшей, все еще с жаром... Можете сколько угодно пугать меня, но я вынужден сказать, что нужно готовиться к худшему...

Ассасин нервно ходил по просторному шатру, устроенному на одной из повозок. С силой сжал волосы, зарычал от злобной досады.

- Вы! Быстро! - обратился к стоящим снаружи воинам. - Спуститесь к остальным повозкам и приведите мне сюда эту служанку Ирму!

Почему-то именно это решение показалось ему сейчас самым верным.

Через минуту девушка уже заходила в шатер Ассасина. Увидев на постели свою хозяйку в бессознательном состоянии, решительно кинулась к ней, произнося какие-то восклицания на незнакомом Ассасину языке.

- Ты должна помочь, - сухо отчеканил он таким голосом, что было понятно - это не просьба, приказ...

Через полчаса Ирма уже обмазывала королеву странны-

ми, неизвестными снадобьями, пахнущими лесными травами и ягодами. Она лишь тихо говорила, что ей нужно, а Ассасин повелевал раздобыть... Благо, что все, что ей требовалось, удалось найти либо в припасах каравана, либо в гомеопатической аптечке врача. Весь шатер, в котором они сейчас находились, был увешан мокрыми белыми полотнами ткани, как сказала Ирма, чтобы воздух был насыщен влагой, как после редкого дождя в пустыне... Это должно было облегчить дыхание...

- Что с ней? - сипло спросил Ассасин, почему-то веря, что эта женщина, которой так доверяла Зенубия, поможет...

- Возможно, это просто сильный стресс или даже дорожная болезнь... Зенубия никогда не расставалась с землей предков... Кто знает, может быть, это путешествие убьет ее...

- Бред, - раздраженно ответил Ассасин. - Должно быть, ты просто не видишь очевидной болезни... Простуды... Или чего-то там еще... Может, ее укусил какой-то гад... - он говорил злобно, резко, и в то же время в его голосе прослеживалось волнение, желание найти самоуспокоение... Но было видно - Ассасин метался по своей внутренней клетке...

- Я говорю то, что вижу, господин...

В шатре воцарилось напряженное молчание. Только хриплое дыхание Зенубии нарушало эту тишину.

- И что делать?

- Ждать...

Ассасин злобно вздохнул... Если Ирма была права, то каждая пройденная миля для Зенубии была шагом к смерти... Руки снова сжались в кулаки... Ждать... Ждать и смотреть, как, возможно, он лично медленно и мучительно убивает ее?

- Стража! - снова раскатистый рокот. - Прикажите старшему каравана остановиться. Мы не поедem дальше. Пока...

Ирма подняла на Ассасина вопросительный взгляд.

- Я приказал расположить повозки так, чтобы можно было, не разбивая лагеря, удержать караван на месте. А еще отправил сообщение по спутниковой связи, чтобы из Аламута прислали лучших врачей...

- Господин, это... Как минимум небезопасно... - возразил один из сопровождающих, не осмеливаясь поднять глаза на Ассасина, но поспешивший к нему на аудиенцию сразу, как услышал странный приказ. Он то и дело кидал заинтересованные, но неодобрительные взгляды на бредящую Зенубию, что еще больше раздражало Ассасина. В итоге он встал так, чтобы закрыть девушку от посторонних глаз.

- Все, кому не нравится мое решение, могут смело убираться в пустыню и идти туда, куда пожелают... - ответил с кривой усмешкой на губах. Все знали - еще одно возражение, и он сменит слово «могут» на «должны»... Больше никто не осмелился перечить господину...

- А если ей станет хуже до того, как прибудут специалисты? Если состояние не улучшится? - все так же тихо спро-

сила Ирма, когда они снова остались одни в шатре.

Он молчал...

- Ей станет лучше... Я чувствую... - его голос был скрипучим, как сухая трава в пустыне. Взгляд затуманенным. Он думал и хмурился...

- В любом случае, это мудрое решение, господин... Как скоро придут специалисты? Пока я дала королеве препараты, которые стабилизируют лихорадку... - дельно произнесла Ирма. Она действительно производила впечатление той, на кого можно полагаться, кому можно доверять... Теперь Ассасин понимал, почему она оказалась в окружении Зенубии...

- Хорошо, продолжай в том же духе. Только не вздумай больше называть ее королевой... Зенубия теперь обычная женщина... Привыкай... Для ее же безопасности... - сипло ответил он, покидая шатер... Нужно было немного успокоиться, восстановить самообладание... Близость возможной кончины Зенубии заставляла его испытывать ужасные, неприятные эмоции... Самым паршивым было то, что помимо всего прочего он ощущал собственную слабость... Потому что уже был готов, наплевав на все, разворачивать этот караван и вести ее обратно, лишь бы спасти... Ему не нравилось то, как эта женщина действовала на него... Надеялся, что, получив желаемое, быстро утолит свой голод по ней, но никак не получалось... словно сам Всевышний вставал у него на пути...

Он шел к передней части каравана, чувствуя на себе опасливые раболепные взгляды. И тем не менее, в них теперь читалось и иное выражение... Не без раздражения Ассасин смог уловить осуждение в глазах своих фedaинов и сопровождающих... Они осуждали его... Осуждали, что ради женщины он подвергал себя и своих подданных опасности... Ведь каравану с Ассасином было действительно крайне небезопасно вот так вот останавливаться посреди пустыни... В пекло их всех... В пекло этот мир... Он Ассасин! Никто не смеет пренебрегать его решениями, какими бы сумасшедшими они ни были...

Специалисты прилетели на вертолете. Капельница, какие-то манипуляции...

Ко всеобщему облегчению, к вечеру второго дня лихорадка спала... Зенубия даже смогла прийти в себя, искренне обрадовавшись увидеть Ирму подле своего ложа. Правда, когда ее взгляд пересекся со взглядом Ассасина, ее лицо снова помрачнело, и девушка резко отвела глаза.

Сам себя не понимая, Ассасин не стал на нее давить своим присутствием, тут же деликатно покинул шатер, удостоверившись, что с ней все теперь в порядке...

- Врачи дали ей снотворное, чтобы она хорошо спала и восстанавливала силы. Лихорадка ушла, но госпожа Зенубия еще очень слаба... - Ирма смотрела на Ассасина опасно и настороженно, словно маленькая собачка, готовая отважно защищать свою хозяйку, но понимающая, что шансы не рав-

ны, и поэтому заранее готовящая себя к самому плохому исходу... Неужели служанка думала, что он накинется на Зенубию с порога, только потому, что жар отступил? Да, он Ассасин, но не животное же... Хотя нет, такая жестокость была характерна как раз только для людей, не для животных...

- Хорошо, пусть отдыхает... Я отдал приказ ускорить ход поезда-каравана... Уже к утру завтрашнего дня мы будем на месте...

- Почему не прилететь на вертолете?- спросила Ирма, когда крылатая птица с врачами снова взвила в небо.

Ассасин смотрел в небо. Его лицо было безэмоциональным и даже мрачным.

- Я должен вернуться в свои владения завоевателем... Мои подданные должны видеть, что Пальмира пала...

Ирма прикрыла глаза.

Стыд.

Он хотел, чтобы бедная Зенубия прочувствовала свое положение...

Подобно тому, как поверженные правители несли свой позор по площадям Великой Римской империи...

Встречу с Аламутом - крепостью Ассасина - Зенубия не пропустила. Утром ей действительно уже удалось встать на ноги. О пережитом недуге говорили только бледность лица и несколько потерянных килограммов. Ирма помогла девушке обтереть тело и облачиться в приготовленный для нее очередной скромный, черный закрытый наряд. Наряд по ала-

мутской моде. Судя по закрытому лицу и лишь узкой прорези для глаз, нравы для женщин в краях Ассасинов были суровыми...

Зенубия вышла из комнаты, направившись во вторую часть вагона, открытую...

Когда она оказалась на свежем воздухе на полном ходу, не могла не вздохнуть полной грудью, наполняя легкие удовольствием, а пышные волосы- ветром, так как скинула с нетерпением покрывало с головы... А потом так же произвольно подставила с радостью свое открытое лицо к солнечным лучам.

- Как ты себя чувствуешь, Зенубия? - услышала рядом ненавистный голос.

- Отвратительно, - ответила высокомерно, задрав нос. Не глядя на него...

- Рад, что тебе лучше... Даже едкое чувство юмора вернулось... - проговорил с улыбкой, подходя ближе. - Посмотри на горизонт, - он указал рукой вдаль, где сквозь утреннюю дымку уже начали прорисовываться очертания скал и крепостных стен по мере того, как поезд-караван продолжать чертить линию по желтой пустыне, переходящей в черные нагромождения пород, - Это Аламут... твой новый дом...

ГЛАВА 3

Если бы Зенубию попросили нарисовать в воображении землю Ассасина, ни разу ее не видя в реальности, она наверняка бы представила все именно так, как сейчас перед ее глазами... Словно сама природа здесь жила по канонам, установленным безжалостным правителем этого края... По мере того как караван приближался к Аламуту, и на горизонте вырисовывались его острые, черные грани, пустыня становилась все более негостеприимной, ветреной, пыльной. Огромные скалы цвета вороньего крыла вздымались из песка, будто иглы, протыкающие небо. Там, где все же не было непроходимого забора из скал, виднелось плато, и Зенубия с изумлением заметила, что здесь земля была отнюдь не песчаной, а покрытой мелкими серыми камнями и жесткой, колючей травой. Воздух здесь был тоже каким-то серым, давящим, висящим свинцовой дымкой, но при этом отрезвляюще свежим, бьющим в голову зарядом чистоты после долгого пути. Ей было зябко. Тело била мелкая дрожь - и от реального, физического холода, и от внутреннего тремора... Конечно, она волновалась... Словно эта неприветливая, мрачная земля была живым существом, и ее сейчас везут с ним на встречу...

Почувствовала, как на ее плечи опустилось нечто теплое и тяжелое, инстинктивно подняла руки к плечам и ощутила

мягкость пушистого меха.

- На рассвете здесь всегда очень ветрено и прохладно... К полудню распогодится... - констатировал невесть откуда материализовавшийся рядом Ассасин.

- Думаешь, моя земля уродлива на фоне блеска твоей Пальмиры? - спросил с усмешкой, заметив ее взгляд, устремленный вдаль.

- Любая земля имеет свою красоту, Ассасин... Я мало что видела... Путешествовала только по своему королевству... Но в моих краях тоже были разные места... Подземные источники с чистейшей водой, суровые горные перевалы, песчаные дюны... Везде можно увидеть красоту...

После Великой войны формат государственной службы поменялся... Межгосударственные визиты стали опасным предприятием...

- Разве ты видела красоту в пустыне? Мне казалось, тебе не терпелось оттуда вырваться... - повернулся к ней, одарив многозначительным взглядом.

- В пустыне я видела самое красивое небо на свете... - ответила спокойно, встречая этот взгляд.

Лицо Ассасина на секунду дрогнуло... Он словно бы колебался, что сказать дальше, но решил промолчать.

- Надеюсь, в Аламуте ты тоже найдешь что-то «самое красивое»...

Зенубия промолчала, чувствуя на себе его внимательный взгляд, но сама не отрывалась от созерцания открывающегося-

ся пейзажа...

- Как только мы остановимся и соберемся, покрой лицо и волосы платком, Зенубия... За тобой придут... Сопроводят к внедорожнику и доставят в крепость...

- У вас так положено? Почему всякий раз ты заставляешь меня прятать лицо? - спросила невзначай, бросив ему в спину. Ассасин остановился, обернулся, но оставил ее вопрос без ответа, снова одарив ее каким-то странным, двусмысленным взглядом...

- Увидимся, - сказал безапелляционно и удалился...

Остановка и прибытие были суматошными. Зенубия с равнодушным опустошением на душе смотрела, как услужливо бегали многочисленные слуги и воины на перроне, встречавшие караван на подступах к шахте-тоннелю, ведущему наверх к крепости. Ассасин выходил далеко не в первых рядах, лишь тогда, когда была построена торжественная церемония его встречи из многочисленных всадников - ожидавших прибытия каравана. Женщин среди них не было, только мужчины. Когда он вступил на землю Аламута, пришли за Зенубией. Односложно, но уважительно пригласили ее выйти из повозки. Девушка поспешно закрыла лицо накидкой, укуталась в пушистый мех и проследовала за провожатым. Она еще с утра хотела спросить Ассасина, где Ирма, но не успела... Что же, постарается сделать это уже в крепости, если получится... Присутствие рядом хотя бы одного знакомого человека было бы кстати, она бы так хотела

хотя бы такой поддержки в этот непростой момент... Только кто сказал, что ее желания будут его волновать...

Когда девушку вели к ее внедорожнику, в хвосте процессии, она не могла не почувствовать на себе заинтересованные взгляды воинов и приближенных на конях, и самый тяжелый - его взгляд, который буквально прожигал... Хотела она того или нет, но чувствовала его, даже против воли... Мысленно она была благодарна за то, что повязка на лице и объемная шуба давали ей возможность хотя бы психологически почувствовать себя защищенной от этих взглядов.

Они ехали по серпантину, но недолго. Крепость Ассасина располагалась на вершине крутой скалы, господствующей над всей округой. Пугающее, грозное зрелище. Вымощенная из огромных тяжелых черных камней, она нависала над пустыней каким-то вселяющим первобытный страх чудищем... Острые пики ее башен протыкали низкое, тяжелое небо, а многочисленные окна, в которых горел желтый свет - было понятно, все внутри ожидали приезда хозяина - напоминали злые глаза этого самого чудища. Зенубия поежилась...

Как только огромные массивные ворота распахнулись, пропуская через подъемный мост, перекинутый через глубокий ров, процессия заехала внутрь. Раздалась веселая, ритмичная музыка. Стало намного теплее, словно сам воздух здесь, внутри был другим... Оглядевшись по сторонам, Зенубия сразу поняла, почему - по всему периметру огромного

двора в больших металлических чанах пылали костры. Вход в крепость венчала длинная красная дорожка. По обеим ее сторонам висели черные флаги с красной точкой и обращенным вниз полумесяцем... Тот самый знак, который она видела, которым ее пугали... Теперю он был ее правдой... Символ власти Ассасина, такой же, какой украшал его устрашающий и вселяющий ужас во врагов шлем. Вдоль всего прохода в помпезных нарядах стояли придворные. Зенубия наконец разглядела среди присутствующих немало женщин. К своему удивлению, они не были закрыты, как она сейчас. Да, мода была иной - наряды в более мрачных тонах, более теплые из-за погоды, но все же подчеркивающие достоинства фигуры толстыми утягивающими ремнями, кожаными элементами. Волосы дам были распущены или лишь слегка убраны по бокам... Для нее это выглядело несколько странным. В Пальмире было непринято выходить на публику без высокой собранной прически... Многие женщины украшали свои темные наряды яркими красными акцентами в виде брошей или специального нанесенного на губы алого состава - видимо, тем самым делая отсылку к цветам власти Ассасина...

Телохранители открыли двери первой машины в кортеже под одобрительные возгласы присутствующих. Зенубия нервно сглотнула, когда Ассасин вышел, а потом вдруг обернулся и одним кивком приказал ей следовать за ним, точно зная, где она сидит и что она сейчас смотрит на него из сво-

его окна. Слуги открыли ей дверь. А дальше Зенубия прошла самые унижительные пять метров в своей жизни, чувствуя, как прожигают ее десятки заинтересованных глаз собравшихся.

Когда она была всего в метре от него. Стража сделала выпад вперед, обозначая, что ближе, в один ряд, подходить к нему нельзя. Ассасин шел впереди, а она... Она была низверженной королевой. Той, кого он выставил на всеобщее внимание...

Они прошли внутрь. Она позади, и он размашистым шагом впереди с каким-то пожилым услужливым, но крайне помпезно одетым мужчиной, который на ходу быстро докладывал Ассасину о делах. Проследовали в большой освещенный зал, оставив большую часть народу позади. Зенубии стало жарко, но она не спешила снимать с себя предоставленную одежду, так и стояла в нерешительности в стороне у входа. Через какое-то время удалился и мужчина в помпезном костюме.

Раздались веселые женские голоса, смех, музыка. Зенубия подняла глаза на новые звуки и вдруг увидела, как отворилась дверь напротив и оттуда выплыли, подобно нимфам, пять-шесть красавиц в довольно открытых, откровенных нарядах, но тоже выполненных в красных оттенках... Они были разными - брюнетки, блондинки, рыжие... Очень высокие и худые, и наоборот, миниатюрные и сочные. Чуть отдельно, величественно и грациозно себя несла девушка в центре. Ее

волосы цвета вороньего крыла переливались серебром при свете многочисленных ламп.

- Господин, Вы принесли в эту крепость солнце и свет! - воскликнула она, озаряя свое лицо самой искренней и прекрасной улыбкой, какую только доводилось видеть Зенубии в своей жизни.

Словно дождавшись ее отмашки, другие девушки тоже начали вторить красавице, рассыпаясь в восторгах и вздохах и буквально обволакивая Ассасина своими прикосновениями и заигрываниями.

- Кларисса, с каждой нашей новой встречей ты только краше, - произнес Ассасин, притянув девушку к себе и впившись в ее сочные губы.

Зенубия стушевалась, непроизвольно отводя глаза. В этот момент ей хотелось бы стать невидимкой... Но желанию не суждено было исполниться.

Стоило парочке разомкнуть объятия, взгляд брюнетки скользнул по фигуре Зенубии. Ассасин увидел вспыхнувший интерес и повелительно, одним движением руки, подозвал Зенубию ближе, к себе.

- Познакомься, Кларисса. Это Зенубия. Красавица из Пальмиры. Мое ценное приобретение. Она войдет в мой сад удовольствий... Станет еще одной моей наложницей... Зенубия, можешь снять с лица повязку. В присутствии девушек и ближайших приближенных тебе разрешено не прятать лица. Это Кларисса, моя фаворитка. Надеюсь, вы подружитесь.

- Зенубия неопытна, Кларисса... Я только вкусил ее тело. В пути она перенесла странную лихорадку, все еще слаба, так что прошу, позаботься о ней... Зенубия, а тебе нужно будет во всем слушаться Клару. Она проводит тебя в мой гарем и расскажет, что к чему...

Зенубия молчала, опустив глаза в пол. Внезапно снова накатил шок неверия... Что она делала здесь... Униженная, стоящая в тени его грозного величия, низведенная до уровня «девушки из сада удовольствий»... И только когда поняла, что воцарилось странное, напряженное молчание, и снова подняла глаза на них, поняла, что оба с мрачным, строгим видом смотрят на нее... Конечно, они ожидали ее услужливого согласия, поддакивания... Она догадалась только сейчас...

Не смогла пошевелить языком. Лишь кивнула. И только потому, что уж успела узнать Ассасина... За ее открытое неповиновение будут расплачиваться ее подданные...

- Надо говорить «да, господин», - поправила ее раздраженно Кларисса. - Девушка очень красива, моя любовь, но теперь я вижу, насколько неопытна... Ей действительно многому придется научиться... И далеко не только тому, как приносить Вам удовольствие, но и как вести себя в приличном обществе, где мужчины являются центром мироздания, а женщины знают свое место...

Г

ЛАВА 4

Стоило Зенубии и Клариссе остаться наедине, сладко-восторженное, нежное выражение на лице брюнетки тут же пропало. Теперь она смотрела на Зенубию враждебно, настороженно, почти с ненавистью. Казалось, от того, чтобы погрузиться в черную бездну этого разрушительного чувства, ее останавливали только сомнения, насколько эта новая девица дорога Господину, насколько велика угроза соперничества, исходящая от нее...

— Уж не знаю, за какие заслуги, но Он даровал тебе отдельную комнату... Небывалая роскошь для простой наложницы... Господин благоволит тебе. Не вздумай его разочаровать, — она то и дело бросала на Зенубию презрительные взгляды, пока они шли по извилистым коридорам мрачной крепости в направлении половины, выделенной под так называемый «сад развлечений» Ассасина.

— Сейчас здесь нас встретят двое... Имей в виду, они для тебя цари и боги... Самые важные люди, после Господина, конечно... Хотя... Иногда немилость одного из них может означать для девицы куда большие бедствия, чем немилость Ассасина... Старуха — это Герра, надсмотрщица гарема. Ужасно противная бабка, злая и мстительная, чувствующая свою безоговорочную власть. Господин ей очень доверя-

ет, потому что она держит девиц в узде, не допускает беспорядка... Исмат — евнух... Не удивляйся, он мужчина, просто оскотенный... У него нет тяги к женщинам, он безопасен, но глаз его все равно умеет по-мужски примечать то, что может понравиться господину... «Сад развлечений» — это не только про улады в постели... Это про танцы, искусство, пение, красивые, сладкие речи... Иногда господин приглашает туда своих друзей и особо приближенных подданных — военачальников и членов своего совета... Именно Эсмер умеет отыскать в каждой девочке ее драгоценный камень и огранить, как он сам говорит... Это огромная власть, Зенубия... Благодаря ему самая обычная рабыня может стать ярким благоухающим цветком «сада развлечений»... Если Герра — это плетка гарема, то Эсмер — его ласкающая рука... Но не забывай, и она может ударить наотмашь... Постарайся вести себя с ними кротко и сразу запоминай все, что они тебе говорят... Иначе никто тебе не поможет...

— Даже твой господин? — скептически произнесла наконец Зенубия, нарушив молчание.

Кларисса хмыкнула, снова посмотрев на Зенубию с удивлением.

— А ты строптива, рабыня... — сказала, внимательно ее рассматривая. — В тебе дух сопротивления... Ничего, Герра быстро его сломит... Даже не сомневайся... И нет, господин тебе не поможет... У него слишком много важных дел, чтобы интересоваться распрями и раздорами в гареме или

проблемами очередной постельной игрушки...

— Тебе нравится это? — спросила Зенубия через какое-то время.

— Что именно?

— Целовать его в губы и при этом улыбаться его новой наложнице... Делить его с другими, ревновать... Разве это не унижительно?

Кларисса хмыкнула, резко останавливаясь и разворачиваясь к Зенубии.

— Послушай сюда, нахалка, — бойко начала она. — Ты даже представить не можешь, как хорош Ассасин... Во всем... За то место, которое я занимаю, я пойду на всё и вытерплю всё... Я слишком дорожу своим положением... И если ты, наивная дурашка, полагаешь, что сможешь меня сместить, горько ошибаешься.

Зенубия усмехнулась.

— Ты даже представить себе не можешь, как я мечтаю оставить это место только тебе... Сбежать отсюда и никогда не видеть этой мрачной, уродливой земли... За это я тоже пойду на всё... Я не хочу вашего Господина! Я ненавижу его! Желаю ему смерти!

— Замолчи, сумасшедшая! — зашипела, боязливо озираясь по сторонам, Кларисса. — Прибереги свою болтовню для палача, когда он придет тебе рубить голову за длинный язык, а меня не вплетай в свое сумасшествие!

Через минуту она добавила почти шепотом:

— Только не пытайся бежать, наивная... Ты сделаешь только хуже... От Ассасина не уйти... Прими его власть... Со временем ты смиришься... Полюбишь... Все любят... Нет ни одной женщины, кто бы попала в объятия Хасана и осталась к нему холодна... А ревность... Ревность — самое глупое из чувств... Оно бессмысленно... Смысл ревновать солнце к каждому живому существу, которое оно согревает своим светом...

Хасан? Она назвала его Хасаном? Точно... Господи... Альвир- это ведь ложь... Этого имени не существовало... Хасан Ибн Саббах. Вот настоящее имя Ассасина...

- Все мы — ничто в сравнении с Ним... Ассасин слишком велик, чтобы принадлежать одной женщине... Я счастлива хотя бы тем, что могу ему доставить удовольствие и радость... Лаской, послушанием, умениями... Даже то, что сейчас я трачу свое время на тебя по его приказу — это уже есть мое счастье...

Так, незаметно, они дошли до массивных дверей гарема.

— Фаворитка Ассасина! — раздался громкий голос стражей.

Двери распахнулись, пропуская Клариссу и Зенубию внутрь. На вошедших с интересом уставились девушки, лежащие на удобных пуфиках в большом просторном зале с фонтаном по центру, утопающем в зелени и цветах. Вот уж точно, «сад развлечений»...

— Тебе повезло, Зенубия, — произнесла невозмутимо

Кларисса. — Судя по всему, обоих надзирателей нет... Так что ты можешь пока выдохнуть.

— Эй, вы, — обратилась она повелительно к одной из прислужниц. — Покажи комнату этой девушки.

Через минуту Зенубия с облегчением вздохнула, оказавшись в своих собственных покоях, подальше от глаз девушек...

— А ты? Где живешь ты? — спросила она просто для красного словца уходящую Клариссу.

Та улыбнулась триумфально-снисходительно.

— Я фаворитка, милочка... На меня не распространяются законы гарема... У меня своя башня крепости... А тебе я советую прикусить язычок... Не знаю, способен ли он уже доставлять удовольствие Господину, но вот неприятностей тебе может точно доставить уйму... Это мой единственный тебе совет... В остальном, дорогуша, на войне, как на войне... Каждый за себя... Я никогда не стану тебе другом, пусть и буду петь сладкие песни перед Господином... Так что берегись... Не пытайся встать у меня на пути...

Уже в дверях она снова повернулась к Зенубии.

— Да, совсем забыла сказать: вечером Господин будет расслабляться в своей купальне... Ты тоже приглашена... Разумеется, слово «приглашена» здесь использовано для красоты... Тебе приказано там быть. После заката за тобой придут... И у тебя появится возможность показать ему и нам всем, чего ты стоишь как любовница...

— По... подожди... — с недоумением снова окликнула ее Зенубия. — Что значит «показать ему и нам всем»... Там будет...

— Господин любит принимать ванны со своими цветочками из сада развлечений... Часто это не только простые купания... Фантазия Господина не знает границ, — хихикнула напоследок Кларисса, хитро посмотрев на Зенубию, и была такова...

За Зенубией правда пришли спустя какое-то время... Она даже не поняла, много или мало прошло с тех пор, как Кларисса покинула ее, оставив метаться по маленькой комнатушке-клетке, словно тигрицу... Раздираемую страхами и неизвестностью... Она нервно кусала губы, понимая, что ее унижения только начинались... Ассасин только входил в кураж... И здесь, в окружении этих безвольных, ограниченных девиц его «сада развлечений», весь мир которых сводился к тому, что происходило у них между ног, подвергать ее все новым и новым формам издевательств — ментальных и физических — ему будет только легче...

Далеко идти не пришлось. Купальня, как выяснилось, располагалась в части крепости, отведенной под гарем... Она и двое женщин-прислужниц, сопровождавших ее, подошли к тяжелым, массивным дверям, украшенным черным литьем. Они распахнулись, и девушку буквально втокнули в паркое, помпезное, довольно просторное помещение хаммама... Зенубия не сразу сориентировалась, что ей делать. Опасливо

сгруппировалась и прижалась к стене. Огляделась по сторонам. Купальня Ассасина чем-то отдаленно напоминала ту, которая была в цитадели самой Зенубии, с той лишь разницей, что казалась намного темнее и интимнее... Пол и стены просторного помещения украшал угольного цвета блестящий камень, в отражении которого плясали языки пламени от многочисленных факелов по всему периметру купальни. Играла чувственная музыка, при том, стоило Зенубии взглянуть в происходящее, она к своему шоку обнаружила, что музыкантами выступали полностью обнаженные девушки, составляющие квинтет. Другие красавицы танцевали, исполняя замысловатые пируэты перед «виновником торжества», расположившемся по центру в большом бассейне, над которым раскинулся огромный стеклянный купол... Наверное, вид оттуда на небо мог быть красивым, и даже привлек бы Зенубию, если бы не чувство стыда, агонизирующее по всему ее телу. Никогда, никогда еще она не чувствовала себя более ничтожной и униженной, чем сейчас, один на один с этим логовом разврата и порока, в который ей вот-вот придется окунуться вопреки своей воле... По обе стороны от Ассасина сидели нагие девицы. Другая, тоже полностью обнаженная, стояла позади и делала ему массаж шеи и головы. Совершенно голая Кларисса пристроилась на бортике купели рядом, звонко смеялась и что-то рассказывала Ассасину, а тот с интересом слушал, небрежно улыбаясь. Он был заметно расслабленным и довольным. Сытый Ассасин.

Пожалуй, Зенубия видела его таким лишь один раз — после того, как он изнасиловал ее...

Она почувствовала Его взгляд сразу... Содрогнулась. Захотелось еще сильнее вжаться в стену... Слиться с ней... Испариться... Как же она ненавидела этот взгляд. Тяжелый, темный, торжествующий... Внимание Ассасина к Зенубии не осталось незамеченным Клариссой. Она тут же перевела глаза на нее — и играющая еще мгновение назад на ее лице улыбка от воркования с Ассасином застыла теперь в неприятном оскале. Зенубии здесь не были рады... Вмиг Зенубия почувствовала на себе еще несколько глаз, внимательно, с настороженным интересом и ревностью ее осматривающих...

— Зенубия! Добро пожаловать! — Ассасин развел руки в приветливо-гостеприимном жесте, отчего вода выплеснулась из купальни. — Не слишком ли тепло ты одета для столь горячей обстановки? Или все никак не можешь согреться — Аламут слишком холоден для тебя? Так иди быстрее к нам, мы тебя согреем, — Кларисса деланно захихикала над словами мужчины, а Зенубию передернуло от отвращения.

Она действительно была одета неуместно для этой странной оргии одного самца с кучей безропотных утроб, другими словами она не могла назвать пребывающих в экстатическом возбуждении девиц, только и жаждущих его внимания... Закрытое на длинный ряд пуговиц дорожное платье было все еще на ней. За часы пребывания в гареме никто да-

же не удосужился ей предложить и стакана воды, не то чтобы дать возможность переодеться и привести себя в порядок... Впрочем, сейчас ее это даже радовало, а не расстраивало... Она не хотела быть для него красивой, не хотела чувствовать себя наряженной ради развлечения другого куклой...

— Клара, почему моя наложница приходит ко мне в купальню неподготовленной? — более строго спросил Ассасин, не отводя глаз от Зенубии. — Я ведь просил о ней позаботиться...

— Простите, господин, я думала, Герра займется ею... — начала услужливо-боязливо отвечать Кларисса, правда, в ее голосе неизбежно сочилась наигранность... Возможно, недалекая красавица нарочно не стала помогать Зенубии, решив, что ее непрезентабельный вид может его отпугнуть... Логика глупой женщины...

— Герра сейчас не в гареме и вернется только вечером, ты знала об этом...

— Если прикажете, тут же отошлю ее обратно, чтобы не смущала Вас своим неподготовленным видом...

Ассасин усмехнулся, переведя наконец взгляд на Клариссу. Он читал наивную девчонку, как открытую книгу. Но эта скрытая ревность, граничащая с идиотизмом, его даже забавляла... Ревность действительно делала человека глупым... Он знал это и ненавидел это чувство... И в то же время хотел, чтобы его ревновала... Другая... Та, которая всем своим видом сейчас демонстрировала отвращение, стоя пе-

ред ним...

— Неподготовленная? Это мы сейчас исправим... Раздевайся, Зенубия... В купальне тебе не нужна одежда... — его голос прозвучал хрипло, даже жадно...

Музыка продолжала играть, но несколько тише... Словно даже музыкантши хотели расслышать их диалог, а когда раздалось ее слабое «нет», и вовсе наступила гробовая тишина, оборвав чувственную мелодию на дисгармоничном аккорде...

Ассасин слышал ее отказ. Ни один мускул не дрогнул на его лице, зато глаза... Они так сейчас жгли своим затаенным внутренним гневом, что все вокруг плавилось.

— Вы, двое... Подойдите и разденьте ее... Будет сопротивляться — держите за руки... — обратился кивком головы к двум девицам по бокам.

Тут же возле Зенубии материализовались две прислужницы, умело скрутившие ее и обездвигившие...

Пуговица за пуговицей, ее платье стало открывать вид на идеальную белую кожу. Под ним она была совершенно обнаженной. От взволнованного, учащенного дыхания грудь девушки вздымалась. Она не сопротивлялась, держа величественную осанку, но ее взгляд опалял таким вызовом и решимостью, что смотрящие пристально на происходившее девицы испуганно перешептывались, поражаясь ее молчаливой дерзости...

Ассасин оперся мускулистыми жилистыми руками о бор-

тики купальни и сел на его край, бесстыдно расставив ноги. По его натренированному идеальному телу стекали струйки воды, играющие блестящими всполохами в свете лампад.

— Кларисса, рот, — приказал он, все так же не отрываясь от Зенубии.

Фаворитке не нужно было повторного приглашения. Она проворно поднырнула к Ассасину и тут же сомкнула губы на его возбужденном, пульсирующем достоинстве. Он схватил ее за волосы и задвигался яростнее, пользуя девушку. Как только последняя пуговица оказалась расстегнутой и с ее плеч сняли платье, нагота Зенубии стала полностью на виду.

Он впивался глазами в мраморно-белое тело Зенубии и рычал, а Кларисса стонала, причмокивая.

Зенубия не могла на это смотреть. Ее желудок буквально крутило от острых, болезненных спазмов. Тело жгло...

— Этот урок от моей фаворитки для тебя, девочка Зенубия... Ты следующая... Опустись на колени и примешь меня в свой рот, который следует отучить говорить «нет» своему господину.

В ту же секунду ее глаза сверкнули.

— Нет, — повторила она громче и увереннее, чем в первый раз, продрав горло и вызвав еще более громкие, боязливые перешептывания среди девушек...

Ассасин злобно выдохнул. Откинул голову назад. Задвигался во рту Клариссы еще более неистово, пока не начал молча содрогаться в оргазме. Девушка покорно и умело при-

нимала его, хотя по тому, как остервенело, до побеления кожи на костяшках кистей, ее руки сжимали бортики купели, было понятно — ей непросто дается эта «ласка» господина.

Когда волны удовольствия затихли, он отодвинул Клару, одобрительно похлопав ее по щеке, а потом тут же вылез из купели и, оставляя за собой водяной след, проследовал к Зенубии, теперь невольно пытавшейся вырваться из крепкого захвата прислужниц.

Бесцеремонно накрыл ее груди своими мокрыми руками, прочертил влажный след ладонями по ее талии и бедрам, резко прижал к себе и, не дав возможности прийти в себя, подхватил, заставив обвить ногами его бедра. Они оба были полностью голыми, но Ассасина это абсолютно не смущало. Зенубия пыталась трепыхаться в его руках, но безрезультатно. Он еще сильнее вдавливал ее в себя, и с ужасом девушка понимала, что его член снова наливается возбуждением, чувствуя твердость, упирающуюся в ее плоть. Двери гарема распахивались перед ними одна за другой, пока они не оказались в просторной комнате-спальне, видимо, той, какая использовалась им для любовных утех.

Он положил ее на кровать, снова не дал опомниться, тут же пристегнув так и остававшиеся на ее запястьях золотые браслеты к цепям в изголовье. Собственнически окинул ее тело горячим взглядом. Опустил руки на полные груди, поиграл с сосками. Погладил атласную кожу, уловив быстрое, как падающая звезда в пустыне, биение сердца.

— Ну что, девочка Зенубия, страшно? Теперь, когда я так рядом и ты понимаешь, какими будут последствия, уже не так просто говорить мне «нет»? — посмотрел на нее с улыбкой.

— Как же ты жалок, гроза всего Леванта... Теперь, когда ты заковал беззащитную женщину в оковы, очень просто получить от нее то, что добровольно она никогда не даст? — выплюнула ему в лицо, в очередной раз дернувшись в своих путах. — Давай начни теперь запугивать меня тем, что причинишь боль моим придворным... Ты только и способен, что запугивать и брать силой, Ассасин...

Ассасин замер... Его лицо тут же почернело, а глаза налились кровью от ярости...

Казалось, в нем борются два начала — одно требовало крови и боли нахалки, лежавшей под ним, другое пыталось успокоиться, чтобы нанести ответный удар более тонко, изощренно... Но от этого не менее больно и травматично...

Опустил руку на ее шею. Сначала сжал, потом все-таки ослабил хватку. Видимо, «второй» одержал верх над первым. Погладил ее тонкую шею, большим пальцем чуть надавливая на пульсирующую жилку.

— У тебя сейчас есть последний шанс покориться мне и стать послушной девочкой, Зенубия... Понимаю, что тебе еще многому придется учиться... Учиться покорности, послушанию, но я окажу тебе великую привилегию — буду терпимым к твоему обучению... Если же ты продолжишь вести

себя, как дикая кошка, последствия для тебя будут гораздо менее приятными...

Зенубия закрыла глаза на секунду. Улыбнулась. А когда снова посмотрела на него своими золотыми омутами, в которых он тут же утонул, подарила ему смачный плевок.

— Держи свой ответ, Ассасин...

Выбор был сделан. Ассасин уже не сдерживал гнева. На его лице играли желваки, а грудь яростно вздымалась.

— Прислужницы! — громко закричал он. — Отведите глупую строптивницу к Герре, которая, должно быть, уже вернулась в гарем, и скажите, что Ассасин приказал показать девочке, что бывает с непокорными рабынями в Аламуте. Завтра я отбываю в поход по своим владениям. Вернусь через четырнадцать дней. К этому моменту я хочу видеть полностью готовую наложницу...

ГЛАВА 5

— Хорошо, — обошла ее по кругу, плотоядно рассматривая, буквально пожирая.

Лицо старухи исказилось в какой-то злорадно-голодной, плотоядно-порочной гримасе...

— Держите ее, вы, двое, крепче... Кобылка так и норовит вырваться... Наивная... — злобно засмеялась.

Зенубия все еще плохо соображала. Она успела было погрузиться в тяжелый, беспокойный сон, как вдруг, среди ночи, ее растолкали, выволокли в общий зал чьи-то сильные, настырные руки, а потом начался этот унижительный, гадкий осмотр...

Две надсмотрщицы крепкого телосложения со всей силы сдавливали ее руки, словно крепкими путами, в то время как появилась эта мерзкая Герра, которая тут же, одним движением, содрала с Зенубии тунику, презрительно ей брошенную, когда выводили из покоев Ассасина.

— Про новую птичку Ассасина говорят все... Не успели мы достичь пределов крепости, как слухи заполнили мои уши, словно ливень — сточные канавы... И правда, очень хороша девица... Посмотрим поближе... — снова гадкая усмешка, от которой Зенубии захотелось выцарапать старухе глаза. Она уважала почтенный возраст, относилась к тем, кто намного старше, с пиететом, иногда со снисхождением...

Но эта... Вызывала в ней только неприязнь... Наверное, все дело было в этом жутком, грязном взгляде... Он пачкал похотью, пачкал пороком... И в отличие от того порока, который посылал взгляд Ассасина, не манил предательски, а сулил лишь большие унижения и деградацию...

Женщина обильно намазала маслом свои руки и подошла к Зенубии. Подняла голову за подбородок, оставляя на лице девушки блестящие липкие следы.

— Какие глаза... Чистая золотая патока... — проговорила, вглядываясь в ее лицо и перемещаясь теперь скользкими руками ниже по телу. Провела дальше. — Шея... Тонкая, как у лебедя... Спина... Посмотрите, курицы, какая стать... Эта рабыня держится как госпожа... Эти груди... — сильно сжала налитые полушария Зенубии, отчего девушка снова задергалась, пытаясь вырваться. — Эти темные соски, словно две спелые вишни... Они сводят Его с ума, я точно знаю... Живот... Упругий и мягкий одновременно... Бедра, — руки Герры бесцеремонно заскользили по ягодицам, — налитые, изогнутые, подобно изгибу лютни... А теперь самое интересное...

Пальцы проворно нырнули Зенубии между ног — и она выдохнула злобно сквозь зубы. От старухи не осталось незамеченным ее напряжение, она снова улыбнулась, оголив свои кривые пожелтевшие зубы.

— Тугое лоно, наверняка розовое, так и зовущее... Это мы еще изучим... Он был нетерпелив, девочка? Когда вхо-

дил в тебя первый раз, желая сорвать твою невинность первым? Хрипел от экстаза?

— Пошла вон, старуха, — выплюнула сквозь зубы Зенубия.

Та в ответ лишь скривила рот в гримасе насмешки. Снова бесцеремонные движения по ягодицам девушки — и на этот раз ее палец проник туда, куда Зенубия даже ожидать не могла... Снова инстинктивные попытки увернуться, остановить этот поток унижения...

— И тут тугая... Обожаю ломать неопытных малышей, но... Господин хочет сам... Понимаю... Это тело хранит в себе столько скрытых источников для развлечений... Подчинять такое, пробовать, наказывать — это чистое удовольствие... — хмыкнула порочно. — Ты просто подарок, девица... Даром, что строптива... С твоим телом ты бы быстро поднялась в фаворитки, потеснив глупышку Клариссу...

С этими словами волосы Зенубии рассыпались каскадом по плечам, так как Герра вытащила из них заколку.

— Богиня, не иначе... Только на эти волосы посмотри-те... Первокласная красавица... Даже жаль портить такую красоту дисциплиной... Будешь меня слушаться? — поступала наигранно по щеке Зенубии.

— Пусти меня, тварь... — прошипела та в ответ.

Герра усмехнулась.

— Ничего, сейчас мы растолкуем красотке, что к чему... Пойдем-ка на небольшую экскурсию, милая... Пришло вре-

меня познакомить тебя с «садом развлечений» великого Ассасина... И поверь мне, сегодня ты увидишь не только цветущие клумбы... Я покажу тебе, что мы делаем с капризными сорняками, посмеявшимися портить идеальную красоту созданных мною цветочных композиций...

Зенубию вели по просторным залам гарема совершенно голой... Никто не удосужился предоставить ей хотя бы клочок одежды, скорее всего, чтобы еще больше унижить, показать ее место... Так делали с самыми низкосортными невольницами, лишая их последней призрачной преграды, позволяющей чувствовать себя человеком.

— Итак, малышка, тебе посчастливилось попасть в самый роскошный из гаремов правителей нашего времени. «Сад развлечений» Ассасина славится на весь Левант, столь же, сколь величие его владельца... Любая девка убила бы за право занять твое место, милочка... А мужчины от одной только мысли взглянуть на сокровища, скрытые за стенами этой прекрасной крепости, готовы посворачивать друг другу шеи... Только избранным сюда есть вход — и как обитателям, и как гостям... Только самые красивые девушки попадают сюда для улады Господина... Только самые приближенные, самые достойные из мужей допускаются Ассасином на праздники в саду... Не всем из обитательниц могут представать перед взорами других мужчин, выбор осуществляет сам Ассасин... Но... Те, кто допускается, не жалуются... Часто Господин дарит приглянувшуюся красотку другому хо-

зяину... Возможно, ты тоже здесь не задержишься... Будешь передана кому-то еще... Особенно если продолжишь вести себя так же глупо, как вела сегодня в купальне... Девушки мне все успели рассказать...

Зенубия молчала... Сейчас ее почему-то охватила какая-то жуткая, тотальная апатия... Она ненавидела все и вся вокруг, и в то же время не удивлялась уже ничему... Что могло ее ожидать? Только еще больше боли — моральной и физической... И еще неизвестно, что из этого приносило большие страдания...

— Посмотри сюда, — Герра манерно махнула рукой в сторону широких дверей, те театрально распахнулись, открывая вид на шикарные, помпезно украшенные покои. Их богатое, светлое убранство диссонировало с общим мрачным антуражем крепости Ассасина. — Здесь обитает фаворитка Господина. Ее жизни бы позавидовала сама королева... Богатство, золото, почет и уважение, сладкие объятия лучшего из мужчин Леванта... — старуха говорила нараспев, пытаясь, видимо, произвести впечатление на Зенубию. — Господин не жалеет средств на своих любимиц... Массаж, наряды, наслаждения... Подумай, какие возможности перед тобой откроются...

Зенубия невольно усмехнулась... Промолчала, но одарила старуху таким презрительно-скептическим взглядом, что та невольно дернулась, явно уязвленная. Тоже никак не ответила на ее реакцию. Они прошли дальше.

— Это общий зал для послушных девочек... Тоже комфортно и красиво...

Здесь Зенубия уже была в самом начале и встретила немало одалисок, с любопытством и ревностью оглядывающих ее, заходящую в компании Клариссы в гарем. Огромный зал, утопающий в зелени, венчал фонтан.

— Днем здесь играет красивая музыка, разносят sherbet и другие сладости... Ночью в этом зале иногда бывает веселье — танцы, наслаждения... Господин может прийти сюда к нам... Сам или с сопровождением... Девочки любят такие вечера... Это возможность реализовать мечту... Заполучить внимание Господина, подняться выше, сделать свою жизнь еще более сладкой...

— Сладкая жизнь... — процедила сквозь зубы Зенубия. — Это вы называете сладкой жизнью? Все эти девушки — либо идиотки, либо слабачки... Даже рабыня, вынужденная работать в тяжелых условиях, чтобы выжить, и то имеет право сохранять за собой больше достоинства, чем все эти несчастные... А Вы... Вы просто паразит на теле этого уродства... Наслаждаетесь своей убогой властью над низменными инстинктами господ и безысходным отчаянием рабынь, лишенных выбора... Изображаете из себя важную птицу, но вы ничто и никто... Если думаете, что он вас ценит, ошибаетесь...

Герра хмыкнула.

— Все думают, это так просто... Содержать идеальный га-

рем с покладистыми красавицами... Но это далеко не так, Зенубия... Секрет этого места не только в красоте и талантах его обитательниц, не только в их отчаянии или, наоборот, желании подняться выше... Дело в порядке и послушании, опыте и выносливости... И за всеми этими словами стоит тяжелая работа, дисциплина, тренировки... Поверь мне, в этом деле я лучшая... Нет на свете женщины, которую бы я не прогнула для Господина...

— Ваш Господин ничтожен, если просит Вас делать то, что не способен сам... Сделать так, чтобы женщина сама, добровольно захотела его...

— Женскую глупость и упрямство ведь никто не отменял, дорогуша, — они шли все дальше и дальше. — Наивно полагаешь, что Господину есть дело, что я делаю с его цветочками? У него много и без того забот... Женщины здесь нужны не для того, чтобы создавать ему сложности и головную боль, а наоборот, для отдыха... Остальные недоразумения — это частности... А теперь внимательно смотри, в шаге от чего ты сейчас стоишь...

Перед ними снова открылись очередные тяжелые двери, пропуская их теперь в холодное, мрачное помещение. Зенубия огляделась по сторонам и сразу поняла, что огромная комната перед ней более напоминает пыточную с какими-то странными приспособлениями по стенам.

— Я горжусь этой частью «сада развлечений», — самодовольно хмыкнула Герра. — Я называю ее «инструменталь-

ной»... Здесь есть все, чтобы окультурить дикие, непокорные сорняки и превратить их в красивые цветочки с моих клумб... Посмотри по сторонам, Зенубия... Внимательно...

Уродливые агрегаты, огромные фаллосы, цепи, закрепленные к стенам... Все здесь говорило о том, что несчастных, осмелившихся отказать Господину, подвергали самым унижительным, болезненным экзекуциям... Зенубию передернуло от отвращения.

— Не думай, здесь не только делают больно... Здесь учат... Не все рождаются сортовыми розами, девочка моя... После того, как женщина поступает в пользование Ассасина, ее отправляют на «воспитание» ко мне. В этом дворце-крепости все подчинено жестким правилам дисциплины. Непреложная истина... Залог успеха самого Ассасина! Учат и вполне традиционным вещам, если девка сопливая — как красиво говорить, как двигаться, петь, танцевать, одеваться, но и, конечно, умению удовлетворять господина всеми возможными способами... Прежде всего, тренируют тело... Выносливость мышц — это главный навык в постели с таким, как Ассасин... Опытным, ненасытным, жадным до ласк... Ты уже успела это прочувствовать?

Зенубия промолчала, мрачно озираясь по сторонам.

— Ты знаешь, испокон веков лучшими одалисками считали тех, кто был способен удовлетворить мужчину, который даже не шевелился во время акта... Их лоно было столь сильным, что простых его сокращений хватало, чтобы сде-

лать мужчину счастливым и довести до пика... Все мои девочки обладают этими навыками... После обучения я устраиваю им экзамен... Впрыскиваю во влагалище цветную жидкость и заставляю танцевать на идеально чистом белом покрывале. Если хоть одна капля прольется, девуку наказывают розгами, тем самым стимулируя охотнее, лучше и быстрее осваивать умения доводить Господина до иступления...

— Ты просто гадкая старая извращенка, Герра, — злобно посмотрела на женщину Зенубия, назвав впервые ее на «ты» и по имени.

Та приблизилась к ней вплотную. Заглянула в глаза, опалив своей смердящей похотью.

— Если бы только Он дал мне право указать тебе на твое место... Наглая, высокомерная сука... Проклятая аристократка... Я сразу увидела это по твоей стати... Все еще питаешь иллюзии, что тебя что-то отличает от простой рабыни... Вертишь нос от всех нас... Вертишь нос от Него... Глупая... Ты хоть понимаешь, что ты здесь ничто... Я ведь тебе еще не показывала, что происходит с теми, к кому Ассасин теряет интерес... Думаешь, это радостная участь? В лучшем случае, отщепенка оказывается на кухне или скотном дворе — убирать за скотом, чистить курятники или отмывать огромные жирные чаны посуды... А если тебя решат продать в бордель? Рада будешь брать в свой наглый аристократический рот то, что предлагают простые торговцы за копейки? Не думай, что ты тут навсегда... Не думай, что его интерес к тебе

будет гореть вечно... Ассасин быстро наиграется и забудет о тебе... И только мне будет оставлено право решать твою судьбу... И поверь мне, лучше со мной не ссориться... Подчинись — и возможно, тогда, когда это произойдет, а это все равно произойдет, я устрою твою судьбу лучшим образом... Возможно, даже найду тебе сносного хозяина... А может, и придумаю что-то получше... Ты красива... Очень красива...

— Пошла вон, тварь! Мне не нужна твоя помощь и гнилая поддержка, — выплюнула Зенубия.

Герра прожгла ее злобным взглядом, снова хихикнула и позвала двух надсмотрщиц. Те тут же без лишних команд схватили девушку, крепко зажав ее в тиски своих рук. Секунда — и старуха снова бесцеремонно прощупывала Зенубию.

— Твои бедра накачаны, красавица... Я сразу это почувствовала, стоило моему пальцу вторгнуться в тебя, но... С другой стороны, нет предела совершенству... Ассасин — уникальный мужчина... Так что... Небольшая тренировка не помешает... Олли, Марти, подведите нашу золотую девочку к столбу терпения... Пусть учится вести себя правильно...

На шее Зенубии тут же защелкнулась цепь, за нее резко дернули, заставив девушку склониться пополам в болезненной, неудобной позе. Закрепили ее в таком положении.

Старуха теперь нависала над Зенубией, ощупывая ее формы.

— Постой так, красавица... Это положение идеально подходит для тренировки мышц таза. А еще для тренировки непокорных мозгов... Господин запретил мне наказывать тебя, как того требуют правила «сада развлечений», но все же он делает тебе два подарка...

С этими словами старуха вытащила из-за пазухи золотое украшение, напоминающее нечто среднее между брошью и серьгой. Покрутила его перед лицом Зенубии с гнусной ухмылкой и тут же окликнула кого-то из прислужников.

— Пригласите сюда мастера стигмы... Пора новой кобылке Ассасина обзавестись его знаком собственности... А мы тем временем займемся украшением самой главной части твоего тела, девочка...

ГЛАВА 6

То, что последующие дни делали с Зенубией, она бы не пожелала даже самому лютому врагу... Жестокая Герра, казалось, превзошла саму себя в изощренных формах пыток девушки, которые, однако, не оставляли на теле ни шрамов, ни рубцов, чего, однако, нельзя было сказать о душе и разуме поверженной королевы...

Правда, про рубцы Зенубия загнула... Когда в самый первый день, как только ее приковали этой проклятой цепью к стене, в зале вместе с Геррой оказалась некая женщина, пристроившаяся у нее между ног, через мгновение после чего Зенубия почувствовала острую, агонизирующую боль, она думала, что ее тело разорвут на две части. Герра злобно смеялась, взирая на тщетные попытки девушки увернуться от боли, когда ее клитор прокололи иглой и вставили ту самую проклятую золотую брошь-серьгу, которую старуха с нездоровым блеском в глазах демонстрировала девушке всего четверть часа назад. Дух ей перевести не дали — одна экзекуторша тут же сменилась другой, и теперь справа на поясице Зенубии, после того как двое других надсмотрщиц надежно ее закрепили своим мощным захватом, кожу начала пронзать острая колющая боль... Герра снова злобно насмеялась.

— Потерпи, красавица, мы же хотим, чтобы ты не уступа-

ла в красоте другим цветочкам «сада развлечений»... Идеальное время украсить тебя... Господина не будет почти четырнадцать дней, за такой срок наши украшательства успеют прижиться на твоём теле — и ты сможешь наконец предстать перед ним в своей полной красе... Ассасину понравится видеть свою метку на твоей атласной коже... А то, что между твоих ног теперь, — похотливо усмехнулась, — принесет ещё больше удовольствия вам обоим...

Боль пульсировала, агонизирующе разливаясь по всему её телу и только усиливаясь от того, что все это время девушке приходилось держать корпус в ужасно неудобной позе, будучи прикованной цепями к стене и полу в согнутом положении... Её спина и ноги затекли, мышцы, казалось, налились распирающим свинцом и готовы были попросту лопнуть. Шея окаменела, посылая к голове острые всполохи боли. Зенубия тихо стонала, а когда почувствовала влагу, стекающую по лицу, не сразу осознала, что это её собственные слезы... Физически тело сдавалось гораздо быстрее мозга... И оно говорило ей, что находится теперь на грани...

Мерзкая старая тварь знала по опыту, когда нужно давать паузы в своих тонких, выверенных экзекуциях. В тот момент, когда разум и сознание Зенубии, казалось, были готовы предать её, она позволяла надсмотрщицам ослабить цепи, и Зенубия в изнеможении падала прямо на пол, чувствуя, как судороги не менее болезненного от своей остроты облегчения прокатывались по её измождённому телу... Но пере-

дышка длилась не более четверти часа — и пытка начиналась снова и снова... И только ночью ее освобождали от пут, давая возможность девушке погрузиться в состояние полубреда, полузабытия, ибо условия, в которых оставляли спать Зенубию — прямо на полу, без малейшего клочка ткани, чтобы хотя бы прикрыться, — не позволяли почувствовать даже на секунду спасительное облегчение...

На пятый день Зенубия достигла такого состояния в своей нескончаемой пытке, когда ее природа более не боролась за естественный инстинкт выживания... Она сдалась... Единственной мыслью было одно — умереть поскорее, быстрее избавить себя от этого нескончаемого круга шайтана, посылающего ее по раскаленным углям снова и снова. Она отказалась от воды и еды, хоть ее и пытались кормить и поить всякий раз, когда отвязывали наконец от проклятой конструкции... Герра явно не ожидала такой непредсказуемой формы проявления протеста, обычно все ее «подопечные» так отчаянно цеплялись за жизнь, что предлагать им еду дважды не приходилось даже после самых унижительных, извращенных истязаний. Она уговаривала, кричала, била, угрожала, но не помогало... В итоге решила уступить место самому верному своему союзнику — времени, надеясь, что природа все-таки возьмет верх, тело Зенубии ее предаст, и жажда с голодом заставят-таки накинуться на пищу...

На крепость опустились очередные сумерки... Зенубия снова осталась одна. В полной темноте, звенящей тишине,

наедине со своей болью — внешней и внутренней... Зенубия всего ожидала от Ассасина, но почему-то не могла поверить, что он позволит им так издеваться над ней, что подвергнет таким экзекуциям, погрузит в такую боль... Услышала поворот ключа в тяжелой железной двери. Сильно зажмурилась, готовя мозг и тело к очередной серии пыток. Шаги к ней приближались. Почувствовала, как цепи ослабевают, а потом с неверием ощутила, как затекшие руки и ноги начинают умело растирать каким-то ароматным составом. Не открывала глаза, не желала смотреть в отражение собственного унижения, ибо от целительных прикосновений вопреки духу упрямства стала тихо плакать — то ли облегчение так ударило по ее сознанию, то ли признание поражения.

— Тише, тише, королева Зенубия, сейчас станет лучше... — услышала мягкий мужской голос и все-таки подняла глаза в удивлении.

Перед ней стоял мужчина средних лет в богатой, вычурной одежде. Его лицо казалось несколько женственным — то ли от природы, то ли от чрезмерной холености. Глаза были острыми, меткими, но сейчас от них не исходило опасности или злобы. Ухоженная умасленная рука его тут же опустилась на голову Зенубии и нежно погладила.

— Я всегда знал, что ты вырастешь в самую красивую женщину в Леванте... Такая красота не остается незамеченной для опытного взгляда мужчины... А если этот мужчина — самый сильный и могущественный на всем свете, он сде-

лает все, чтобы она неизбежно ему принадлежала... Какие бы преграды ни стояли перед этим... Перестань бунтовать, Зенубия... Прими неизбежное...

— Кто Вы? — тихо, но отчаянно спросила она, не стесняясь теперь почему-то своих слез. — Вы назвали меня... королева... — последнее слово далось ей непросто, она словно стеснялась его произносить.

Мужчина снова улыбнулся.

— Ты будешь знать меня как Исмат, малышка... Оскопленный урод, поднявшийся из грязи в небеса... Я тот, кто дышит в это проклятое место хотя бы немного прекрасного, спасая девочек от отчаяния и боли... Разной боли... Физической боли, моральной боли, боли неразделенной любви к тому, кто им никогда не будет принадлежать, боли ревности из-за тех, кого слишком много... Я сразу догадался, кто ты... Не волнуйся, Зенубия, у тебя здесь есть союзники... Ты королева по рождению... Даже те, кто считают тебя простой рабыней, чувствуют в тебе это величие, дарованное по праву рождения... Просто... из-за потрясений последних недель ты совсем забыла, кто ты, уступив место маленькой, настырной девочке Зенубии... Но я здесь для того, чтобы напомнить тебе про тебя саму...

— Меня больше нет... Есть только жалкая рабыня... — горячо зашептала Зенубия, чувствуя, как жар собственных слез обжигает щеки.

— Не время опускать руки, Ваше величество... Разве те-

бя не учили, что победа может быть разной и путь к ней — весьма непредсказуемым? Ты ведь даже не понимаешь, как близка от победы... Ассасина не тянуло ни к одной женщине так, как его тянет к тебе...

Зенубия лишь горько усмехнулась, утирая влагу и шмыгая носом.

— Привязан? Он оставил меня подыхать в муках в лапах этой старой суки... Он самое жестокое животное... Шайтан и тот милосерднее.

Исмаат понимающе хмыкнул.

— Господин не знает, что с тобой происходит, Зенубия... Он никогда не интересовался оборотной стороной «сада развлечений», что и понятно... Герра — больная, извращенная тварь, но очень опытная и ушлая, иначе бы давно лишилась головы... Она знает, как общаться с повелителем так, чтобы все происходящее здесь оставалось в пределах этих стен... И тебе ли не знать, что подчас правитель слишком слепо полагается на доверенных людей рядом, не вникая в то, что они делают за его спиной... Государственных дел слишком много, чтобы распаляться на частности... Не совершай ты тех же ошибок, не оказалась бы здесь, королева, не так ли?

Зенубия печально усмехнулась сквозь боль, все еще разливающуюся волнами по телу. Он был прав... Она слишком верила в иллюзорный мир, придуманный ею самой...

— Но именно это и делает нас, простых людей, уязвимыми... Ассасин почти бог, но он не шайтан, он всего лишь

человек из плоти и крови... Он может совершать ошибки, он может терять бдительность, он может быть ослеплен чувствами и эмоциями... Помни об этом... И используй это на благо своим целям, когда придет время...

— Кто Вы такой? Вы так и не ответили... Я не про эту нелепую роль евнуха в гареме, я про жизнь...

Исмат снова нежно, почти трогательно погладил ее по голове, внимательно всматриваясь в золото ее глаз.

— Придет время — и ты все узнаешь, королева Зенубия... Надеюсь, к тому моменту Аллах будет на твоей стороне...

С этими словами он решительно встал и снова затянул пу-
ты на руках Зенубии. На удивление, после того, как он сма-
зал ее тело каким-то странным составом из мазей, боль стала
в разы меньше, словно ее забрали...

— Твое спасение, Зенубия, в том, что Ассасин возвраща-
ется раньше, чем планировал... Вчера мы получили весть от
гонца, что он уже на обратном пути в Аламут... И почему-то
мне кажется, что дело тут не в делах государственной важ-
ности, а в тебе... Его тянет к своей золотой девочке...

— Я не его девочка, — презрительно выплюнула она в
ответ.

Исмат снова хмыкнул, но ничего не сказал.

— И это несмотря на то, что он взял с собой фаворитку
Клариссу... Видимо, совсем скоро она лишится своего наси-
женного местечка, — задумался, посмотрев в пустоту. Оче-

видно, у хитрого евнуха была своя повестка в голове. — Я найду способ, как сообщить Ассасину о том, что с тобой делали все это время... А дальше... дальше подключай свой ум, Зенубия... Не веди себя как обиженная глупая девчонка... Дальше все будет в твоих руках...

Он ворвался к ней подобно вихрю... Зенубии не нужно было напрягать слух или открывать глаза, чтобы понять, что это Он... Чувствовала его, ощущала на каком-то внутреннем, подсознательном уровне, как делала это всякий раз, когда он спасал ей жизнь, когда оберегал, подставляя сильное плечо... С той лишь разницей, горчащей на языке неутешительной правдой, что на этот раз виновником ее страданий, неважно, косвенным или прямым, был ни кто иной, как он сам...

— Где она? — раздался его грозный рокот, прокатившийся по просторным залам «сада развлечений» устрашающей волной.

Зенубия слышала жалобное, испуганное жужжание Герры, обрывки оправданий которой нет-нет да долетали до ее сознания — «оскорбляла Вас, господин... не чтит наши законы и правила...», слышала напряженный, но услужливый голос Исмата — «девушка очень слаба...»... Ее тело все еще изнывало от напряжения, но разум уже толкал к долгождан-

ному успокоению... Как бы ни было, что бы ни было, но сейчас на нее накатило долгожданное облегчение...

Стоило натянутым цепям жалобно пискнуть и громко звякнуть, ударившись об пол, тело размякло. Она была так измождена, что тоже бы вместе с ними свалилась на холодную каменную поверхность, но он не дал... Тут же подхватил, прижав к своему горячему телу, так сильно, так порывисто, что на секунду воздух покинул легкие Зенубии.

Она сама не поняла, как инстинктивно обвила руками его шею, словно боясь, что он передумает и отпустит, зарылась носом в его ауру, невольно всхлипнула, утонула в его запахе, в его тепле... Обволакивающим, успокаивающим... Сегодня она позволит себе эту слабость, позволит забыться в объятиях врага... Только сегодня...

— Тише, тише, девочка моя... Сейчас все будет хорошо, — шептал он ей, покрывая ее волосы, шею, лицо поцелуями и совершенно не заботясь о том, что на них явно смотрели... С удивлением, ненавистью, страхом, ревностью... Неважно... Никто и никогда еще в этих мрачных стенах не видел Ассасина таким... И это не могло не удивлять... А возможно, даже пугать...

Он занес ее в свою личную спальню, покинув пределы «сада развлечений», бережно уложил на кровать, поцеловал в висок.

— Девочка моя... Мне жаль... Я не знал... Прости меня, прости... Я сотру их в порошок... Они виноваты...

Она нашла в себе силы разлепить глаза. Последние силы. Напряглась, привстав на подушках. Посмотрела на него горько, обреченно...

— Они — твоё порождение, Ассасин... Незачем их винить... Это не они все это сделали со мной, ты...

Сил что-то говорить дальше не было. Зенубия снова упала на кровать, закрыв глаза. Отдавшись своей слабости с головой, расслабившись... Какую бы ненависть она ни чувствовала к Ассасину, почему-то она знала — сейчас он не причинит ей вреда за её дерзость и непокорность... Не станет снова издеваться над телом и душой...

Интуиция её не подвела... Следующие пару дней она просто отправила свой мозг на покой, слепо отдаваясь его заботе. Он не подпускал к девушке никого из прислуги. В первый же вечер омыл её тело в специально приготовленном чане с ароматной водой, нежно обтер. Уложил на кровать, лег рядом, заботливо перебирая влажные волосы и шепча слова успокоения, уносящие её далеко из этого проклятого места... Его тепло успокаивало... Исцеляло... И она позволяла себе исцеляться в этих руках... Они не насиловали, не трогали, не пытались покуситься на её честь, просто утешали, просто пытались возродить и исцелить... Иногда, на задворках сознания, до её мозга откуда-то издалека доносилось его «люблю»... Но она тут же отгоняла этот нелепый шепот прочь, понимая, что это игры её воспаленного воображения, что Ассасин не способен на такие чувства, впро-

чем, как и она сама... «Любовь» — это слово не из их лексикона... Жестких, расчетливых правителей... А она была именно такой же, каким был и Он... Карты одной масти... Да, она ведь тоже была именно такой, просто успела позабыть об этом...

Он кормил ее с ложки, аккуратно подносил к губам кубок с водой, когда она просила пить. Потом снова бережно клал на подушки и часами растирал изможденное тело ароматными маслами... Зенубии становилось лучше... Она все еще отчаянно жмурила глаза, не желая смотреть реальности в глаза в его лице, но понимала, что неизбежно этот момент все стремительнее к ним приближается... Зенубия чувствовала его закипающую страсть... Она пугала ее, но в то же время теперь казалась неизбежной... Его руки на ней теперь были так естественны... Его хриплое дыхание рядом... Его тепло... В сознании или в забвении она понимала, что здесь и сейчас обречена стать его... Это был ее единственный выбор... Исмат был прав...

Так бы могла думать простая женщина, попавшая в жернова Аламута. Но Зенубия... Это не проигранная война, нет... И даже не проигранный бой. И не перемирие. Это передышка. Прекращение огня до тех пор, пока не удастся восстать снова...

И она восстанет. И даст отпор.

Но для этого ей нужно еще немного восстановиться...

ГЛАВА 7

Ассасин сходил с ума... Никогда и ни с кем прежде не доводилось ему испытывать то, что он испытывал все эти дни... Сначала, когда увидел ее изможденное тело, прикованным цепями к стене и полу — боль, нежность и жалость, какой даже к себе никогда не проявлял, даже глубоко в душе, в детстве маленьким мальчиком, один на один с правдой... Эти три чувства были столь сильными и переплетенными друг с другом, что он буквально захлебывался в них, отчаянно коря себя, что не подумал о том, что может сделать недальновидная и весьма посредственная старая садистка со строптивым нравом его девочки... Да, виноват кругом был только он... Эмоции, которые Она будила, ослепляли, и это пугало. Никогда еще Ассасин не был таким импульсивным... Ей снова удалось его вывести из себя... Да, он хотел проучить ее, поставить на место, огонь ревности все еще бушевал в душе... Странной ревности, пугающей... Он ревновал ее ко всем тем, кому она улыбалась в той своей, прошлой, жизни, его теперь одаривая лишь холодом презрения, ревновал к солнцу, которому так жадно и охотно подставляла свое лучезарное лицо, в то время как на него даже смотреть не хотела... Ревновал к самому себе, к Альвиру... Тому самому жалкому рабу, к которому она, что бы ни говорила, испытывала чувства, с соблазном уступить которому

так рьяно боролась, его, великого Ассасина, отвергая без малейших колебаний... А еще было другое, непонятное чувство... Он и названия-то ему придумать не мог... Чувство собственной растерянности, беспомощности, опустошенности, стоило ему оказаться без нее... Когда красавица Кларисса смотрела на него с восторгом, желанием и обожанием, широко распахивая глаза и ноги перед ним, хотелось с силой отшвырнуть ее прочь, словно она не во всех смыслах приятная девушка, заслужившая покорностью и умениями свое место, а раздражающая навязчивым жужжанием муха... Везде была только Она... В мыслях, в желаниях... Только ее запах, ее голос, ее вкус на губах, который затмевал самые изысканные яства...

Она была его болезнью, его наваждением, его роком... Думал, уедет подальше, утешится в объятиях умелой и услужливой любовницы, и это смятение отступит, но оно лишь усилилось... Так непредсказуемо, так невообразимо, что становилось страшно... За нее и за себя, за весь созданный им мир... Его чувства были подобны урагану... И он мог смести на своем пути всё и вся...

Все эти дни он пытался не смотреть на нее как на желанную женщину... Только попытаться исправить то, что, возможно, уже не исправить... Только излечить...

Он не позволял себе касаться ее тела губами, не позволял рукам вести его дальше, от утешающих ласк к приносящим удовольствие... Но природа брала верх... Когда состо-

вание Зенубии стало лучше и он прекрасно понимал, что она попросту теперь притворяется больной без сознания, а сама чувствует каждое его движение, невольно нахлынуло другое чувство, самое сильное из всех испытываемых... Желание... Жажда... Алчность... Они пульсировали во всем его теле, дышали с каждым его вдохом и выдохом... Так сильно, так яростно, что хотелось рычать... Рычать, когда он касался ее теперь такого хорошо знакомого тела своими пальцами, чувствовал атлас ее кожи, пересчитывал в тысячный раз ее родинки, рассматривал тонкие голубые жилки под белоснежной кожей... Она была совершенством, его совершенством... Его соблазном, его слабостью... И теперь об этой слабости, судя по всему, знала вся крепость... Ведь он пропал, растворился в ней... Все эти дни он неустанно был рядом, позабыв о делах и заботах царства... А ему было наплевать... Она была его царством. Когда его взгляд опускался на идеально прорисованную татуировку-стигму, пах невольно сжимался от напряжения... Он понимал, что ей было больно, но вид его клейма на ней пьянил сильнее любого хмеля... Кожа почти зажила, и теперь на ней отчетливо проявились точные тонкие линии его герба... Полумесяц, смотрящий вниз. Аккуратная точка... И он отчаянно хотел, чтобы этот символ принадлежности отпечатался теперь не только на ее коже, но и в душе... Как же он этого хотел... Понимал, что сделать это намного сложнее, чем набить татуировку на спине, что нужно терпение... Но терпение тут же

срывалось безвольной тряпкой от урагана его похоти, когда взгляд опускался ниже... По аппетитным, идеальным и таким манящим изгибам бедер... Туда, где теперь красовалась золотая брошь... До последнего он сдерживался, не трогал ее там... Ему почему-то казалось, что приведи он ее сейчас в таком состоянии к удовольствию своими умелыми действиями, без ее согласия, пользуясь слабостью, она уже не простит никогда... Поэтому терпел из последних сил, хоть и знал, что может сорваться... Но сегодня... Сегодня держать себя было все сложнее... Она была рядом... В его постели... Ее запах везде... Он пропитал его душу, его тело... Поглотил, поработил...

Руки сами потянулись к ее промежности. Пальцы нащупали розовую сердцевину, прошлись по согретому теплом ее тела золотому металлу. Она была влажной... Готовой... Громко, хрипло выдохнул. Умело заиграл на струнах ее женского естества. Зенубия выгнулась, пребывая в полусне... иначе бы точно оттолкнула, закрылась... Он не питал иллюзий... Ее глаза в моменты просветления говорили красноречивее слов, она не желала его принимать... Пальцы Ассасина стали настырнее, губы опустились на поясницу, проложив влажную дорожку по горячей нежной спине к бедрам. И это первое соприкосновение его рта с ее кожей за эти дни, казалось, было столь горячим, что зашипело...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.